

В начале

Наталья Макарова

16+

Наталья Макарова

В начале

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Макарова Н.

В начале / Н. Макарова — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-97139-4

Когда в привычное течение жизни внезапно врываются непредвиденные обстоятельства, так легко запутаться и потерять себя! Герою этой повести Богдану предстоит столкнуться с крушением собственных идеалов и оказаться оторванным от близких ему людей. Ему придется сделать выбор, какой дорогой идти дальше: повернуться к свету Веры или остаться во тьме мирского несовершенства наедине со своими проблемами. У каждого свой путь к преображению души. Его и предстоит пройти Богдану, чтобы понять свои истинные стремления и определить свой дальнейший жизненный путь.

ISBN 978-5-532-97139-4

© Макарова Н., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Глава III	8
Глава IV	9
Глава V	11
Глава VI	13
Глава VII	14
Глава VIII	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Наталья Макарова

В начале

Глава I

Евдокия поднялась, отряхивая с себя сухие травинки.

– Погубишь ты меня, Феденька, – сказала она, поправляя разметавшуюся косу, – не отмо-
лить мне свой грех с тобой!

Федор прикусил зубами еще зеленый стебель колоска.

– Да что уж теперь-то. Иди сюда! – позвал он.

Евдокия снова прилегла ему на плечо.

– Вот повенчались бы мы с тобой, Феденька! Не пришлось бы больше от людей прятаться.
А от Бога и так не спрячешься.

– Не могу я, Дуняша. Ты же и сама знаешь. Хоть и по сердцу ты мне, однако вместе нам
не быть.

Евдокия вздохнула и смахнула рукой непрошеную слезу. Все она знала, все понимала с
самого начала. Ей ли, простой сельской девчонке, мечтать о том, чтобы заполучить в мужья
Федора – сына зажиточных родителей, недавно перебравшихся в город? У отца его – свои
планы на наследника: подобрать ему невесту под стать, чтобы приданое принесла, чтобы поло-
жение упрочилось.

Федор по старой памяти в родное село наезжал. С друзьями-товарищами виделся, да и
зазнобу свою Дуняшу не забывал. Но был с ней честен: не ровня она ему, будущего совместного
у них быть не может. Но она все равно надеялась и шла к нему. Не раз и не два проводили
они время уединенно то на сеновале, то на речке за мельницей, а то и в бескрайних полях. Так
случилось и сегодня.

– Ты не сердчай на меня, Феденька. Но сам же говоришь, что быть нам вместе никак
нельзя. Ко мне Артем сватается. Так я, наверное, за него пойду.

– Это какой Артем? Который через улицу от тебя живет?

– Он самый.

Федор выплюнул стебель и отстранился от девушки.

– Ну, что ж, – произнес он, вставая, – знать, так тому и быть. Не приеду, значит, я больше.

– Как же так, Феденька? – Евдокия испугалась своих несвоевременных слов.

– А вот так, – Федор уже заканчивал одеваться, – не буду ни вам мешать, ни себе душу
травить.

Евдокия кинулась к нему на шею, обняла.

– Неужто так меня и оставишь, горемычную?

– Незачем продолжать, Дуняша, – он в последний раз уткнулся лицом в ее душистые
волосы и оттолкнул от себя окончательно, – нет у нас с тобой будущего, и дороги у нас разные.
Не поминай лихом!

Федор вскочил на пасущегося тут же скакуна и помчался прочь, похлестывая его по
бокам. Чтобы успеть уехать, пока были душевные силы. Чтобы не оглянуться и не кинуться
обратно к своей единственной незабвенной. Чтобы разом все разорвать и вычеркнуть из мяту-
щегося сердца.

Евдокия долго смотрела ему вслед. Слеза то набегала, то исчезала, оставляя душу пустой
и покинутой. Она понимала, что так нужно, так правильно, и чем раньше это произойдет, тем
быстрее наступит долгожданное спокойствие. Но как же горьки и тяжелы были эти первые

мгновения после разлуки, когда будущего не виделось, настоящего уже не было, а прошлое немилосердно терзало разум и сердце!

Глава II

Артем, скромный работающий парень, давно заглядывался на Евдокию – первую красавицу на селе. Да все никак не решался на что-то большее – она казалась ему недоступной, недостижимой. Федька мимо нее не ровно ходил: где уж ему, простому малому, с ним тягаться!

Но вот семья Федора уехала из села, и Евдокия загрустила. Тогда-то Артем и решил попытать свое счастье. Незаметно, ненавязчиво вошел он в жизнь своей соседки – то забор подправит, то корову пригонит, то сено скосить поможет. Евдокия не отказывалась – с помощью оно-то легче. Да и радовалась душа девичья тому, что раз одному не стодилась, то другой вместо него нашелся. Но сердце ее все равно ныло и тосковало по своему единственному, и когда он приезжал, она вся без остатка была его.

А Артем видел то, что хотел видеть. Что Дуняша уже не так печалится, что радуется его приходом, что позволяет иногда задержаться подольше – постоять у калитки, поговорить, помолчать. И однажды решился – предложил стать в его доме хозяйкой.

Евдокия сначала удивилась, не поверила. Напустилась на парня, что такими серьезными вещами шутить вздумал. Но Артем действительно был серьезен и не шутил. Тогда она задумалась. Федор – что журавль в небе, далеко, не достанешь. А сосед – вот он, всегда тут. Не век же ждать у моря погоды!

Ей хотелось все рассказать любимому. Вдруг он одумается, пойдет против обстоятельств, что-то предложит... Тем более, начала она подозревать, что отношения их оставили неизгладимый след в ее жизни. Но, когда они снова встретились, заробела. Только про венчание и удалось ей заставить себя выговорить. А про плод совместной любви она сказать так и не решилась. В ответ услышала то же, что и всегда: не можем, не судьба. Хоть и любил ее Федор, и она видела это, не могла ошибаться, однако против родни и порядков он идти был не готов.

И тогда Евдокия решила старое оборвать и новое построить одним махом. Проводив своего ненаглядного, она поклялась себе, что это было в последний раз. А потом пошла к другому своему обожателю и сказала, что на его предложение согласна.

Со свадьбой тянуть не стали. Счастливый жених быстро подготовил свой дом к приходу хозяйки. Евдокия же старалась думать только о будущем, и в ребенке своем видеть мужниного наследника. Все, что было, то прошло, прошло! Все это дурман, морок. А вот теперь начнется настоящая жизнь, и все в ней будет настоящее. Только одно собиралась она принести с собой из прошлого, потому что не могла душу живую из себя вынуть. Но о том, что это часть ее прошлой жизни, никто не знал, да и сама она изо всех сил пыталась забыть.

Глава III

Свадьбу справили скромную, но достойную. Угостили соседей, на церковь пожертвование сделали. Невеста во время обряда глотала слезы, но все думали, что это от радости. А она каялась. За то, что новую жизнь с греха начинает. За то, что с самого начала мужа обманывает. От людей-то скрыться удалось, а от Всевышнего и совести своей разве скроешься?

Все таинство венчания Евдокия боялась, что ее вот-вот поразит гром или поглотит разверзнувшаяся земля. Как она, грешная, нечистая, осмелилась войти в дом Божий, да еще и произносить священные обеты! Но все обошлось. Ее и Артема нарекли мужем и женой, вынужденный невеселый для нее праздник закончился, и жизнь потекла своим чередом с сопутствующими горестями и радостями.

Вот только в храм Евдокия больше не ходила. Сначала боялась: казалось, что нет ей там места – непрощенной, неочистившейся; ведь о грехе своем она даже на исповеди не смела рассказать. А потом постепенно отвыкла. Затянули быт-рутина, не до того стало. Особенно, когда первенец ее Матвей родился. Только и успевай поворачиваться, за ребенком ухаживать, за домом смотреть, мужа поддерживать. Где уж тут о душе да о грехах думать!

Артем в ребенке души не чаял, жену еще больше любить стал, и Евдокия, мучаясь неспокойной совестью, быстро решила на еще одно пополнение в семействе. Чтобы уж на этот раз по-законному, по-настоящему. Чтобы хоть так перед мужем вину искупить. Так, через два года после Матвея у них родился второй сын Богдан.

Жили они не богато, но и не впроголодь. Артем трудился, радел о семье, не отставала и Евдокия. Все у них вроде было в порядке, мирно да ладно, соседям – кому на радость, кому на зависть. Дети росли, хозяйство прибавлялось. О Федоре и помину не было: давно уже жизнь своя верх взяла, а все, что было раньше – быльем поросло.

Глава IV

В семье различий между детьми не делали. Артем – потому что ни о чем не догадывался и одинаково любил обоих. Его жена – потому что боялась себя выдать. Хотя, нет-нет, да и пыталась Евдокия рассмотреть в старшем сыне черты любимого человека. А рассмотрев, старательно убеждала себя в том, что это не так. Но чем старше становился Матвей, тем больше таких черт обнаруживалось. Иногда ей казалось, что он даже говорит или жестикулирует как Федор, хотя никогда не видел его. И чем больше она находила в них сходства, тем глубже старалась спрятать эту тайну в укромных уголках своего сердца.

Матвей рос смелым, энергичным, активным. Неизменный заводила и душа компании, рискованный и даже бесшабашный малый, но отзывчивый и преданный своей семье. Главный помощник своему родителю и первый парень на селе, по которому сходило с ума немало окрестных девчонок. Совсем такой, как его настоящий отец.

Богдан был другим. Все время сам в себе, всегда в своих мыслях. Тихий, задумчивый, немногословный. Когда старшие просили – конечно же, помогал им. Но если удавалось улизнуть из дома без родительских поручений – вот тогда это было настоящее счастье! Часами он мог бродить в одиночестве по окрестным лесам и лугам, а когда, наконец, возвращался домой, то нередко получал взбучку от отца или выговор от матери. Но в следующий раз все неизменно повторялось.

Что он делал во время своих одиноких прогулок? Вроде бы и ничего конкретного, но когда он оказывался в необъятном мире природы, то просто не мог вовремя остановиться и вернуться в свой обычный житейский мир. Куда течет тот ручей? И Богдан мог долго следовать вдоль его течения, вспоминая о времени только когда начинало темнеть, или чувство голода становилось невыносимым. Что там за полянка виднеется сквозь чащу леса? Но, выйдя на эту полянку, он снова видел впереди что-то интересное и шел дальше. Что там за поворотом этой дороги? Но, пройдя заветный поворот, он обнаруживал, что дорога петляет и уходит вдаль, а, значит, ему нужно было добраться и туда. Ничто в жизни не манило его так сильно, как возможность увидеть что-то новое.

Но годы подходили, и восемнадцатилетний Богдан, случалось, с удовольствием участвовал вместе с братом в озорных гуляниях сельской молодежи. Предложения провести вечер не в одиночестве всегда исходили от Матвея. Братья, будучи очень разными, не были слишком уж дружны, и не особенно часто проводили свободное время совместно. Однако ощущение родства держало их рядом, общие семейные корни оставались превыше всего.

Так случилось и на этот раз. Матвей после продуктивного трудового дня шел отдыхать – общаться с ровесниками, петь хором песни под гармошку, смотреть на окрестных девушек.

– Пойдем тоже что ли? – предложил он своему менее расторопному брату.

Богдан колол дрова. Вообще-то он давно уже должен был закончить это дело, но его мечтательность снова мысленно увела его далеко-далеко, отчего молодой человек словно перемещался в пространстве, а дрова при этом оставались на месте. Он то наблюдал за ползущим жуком, стремясь узнать, куда тот доберется, то изучал облака, представляя их в форме одушевленных фигур. В результате работа под постоянные окрики матери спорилась очень медленно.

– У меня еще вот это, – Богдан указал на незаконченную поленницу.

– Какой ты медлительный! – махнул рукой старший. – Закончишь – приходи.

Хлопнула калитка – Матвей пошел вдоль по сельской улице. Брат провожал его взглядом – смотрел, как тот поворачивает за дальний дом с резным полотенцем под коньком, слушал, как стихают его шаги, представлял, как он идет по улице дальше, кого встречает, как здоровается с соседями. Воображал, как он появляется среди стайки местных девушек, которые восторженно

приветствуют его и так и норовят съесть глазами. Первой в ряду ему почему-то представилась Аленка – известная на все село красавица и зубоскалка. Представилось, как она ходит вокруг Матвея, то и дело закидывая на плечо непослушную тяжелую косу, и, не залезая за словом в карман, бойко отвечает на его не всегда безобидные шутки.

– Чего опять стоишь-то? – раздался в очередной раз попрек от недовольной матери, выглянувшей из дома.

Богдан поспешно взялся за топор, и некоторое время над их двором раздавался только его мерный стук. Евдокия вздохнула, наблюдая за работой младшего сына. Вот в кого он такой непутевый?

Глава V

Когда Богдан, наконец, закончил работу и появился за околицей, веселье уже было в самом разгаре. Девушки хором пели песню, а самые смелые танцевали. На его приход почти не обратили внимания, лишь несколько человек приветственно кивнули или помахали руками. Но Богдан прекрасно знал, что не пользуется у ровесников-односельчан таким интересом, как брат, поэтому совсем не обиделся. Он незаметно присел на край лавки рядом с поющими, стараясь не сбить их с ноты своим появлением.

Аленка, выплясывавшая с его братом, вдруг резко остановилась и, развернувшись, пошла к лавкам. По-видимому, Матвей в очередной раз отпустил в ее адрес какую-то двусмысленную шутку. Заметив Богдана, она направилась к нему и уселась рядом.

– Пришел-таки? – вместо приветствия спросила она, подавшись к нему, чтобы перекричать поющих.

Парень кивнул, вполоборота с удовольствием разглядывая ее. Она действительно была хороша – покрасневшая после танцев, со слегка растрепавшимися волосами, с блестящими глазами, горящими какой-то неведомой искрой.

– А чего раньше не приходил? – продолжала расспрашивать она, уловив свое отражение в его глазах.

Рассказывать, что не успел вовремя поколоть дрова, не хотелось, поэтому Богдан просто пожал плечами, словно и сам недоумевал, как же так могло получиться.

– Братец-то твой давно уж тут, – девушка явно старалась разговорить его.

Богдан снова кивнул, не находя, что еще можно на это ответить.

– Какой ты скучный! – досадливо проговорила Аленка, вмешиваясь в стройную линию хора. – Слова лишнего от тебя не добьешься. Не знала бы, что вы с Матвеем братья – никогда бы не подумала. Вы такие разные!

Она демонстративно встала, прошлась вдоль лавки и села на другой ее край. Богдан вскинул голову, по инерции следя за ее движением, как на глаза ему тут же попался старший брат. Разные? Он посмотрел на брата так, как будто увидел его впервые, пытаясь открыть в нем то, что было скрыто за обоюдной многолетней привычкой, но оказалось очевидным для других. Они ведь и на самом деле совершенно не похожи. То, над чем Богдан никогда раньше не задумывался, вдруг предстало его взору с невероятной ясностью. Ведь они действительно совершенно разные! Вероятно, Алена говорила прежде всего о характере, но сама мысль о непохожести на брата так поразила его, что он, не попрощавшись, убежал к реке, где принялся изучать свое отражение.

Матвей не заметил ухода младшего родственника, а когда снова взглянул на место, где тот недавно сидел, край скамейки снова пустовал.

– Где он? – поинтересовался Матвей, подойдя к перебирающей свою косу Аленке.

– Убежал куда-то, – равнодушно ответила та.

– Ты ему что-то сказала, что он обиделся?

– Я-то здесь при чем? Просто поздоровалась. Ты и сам знаешь, он у тебя какой-то странный.

– Ты берега-то не путай! Он мой брат, злословить про него никому не позволю.

– Да нужен он мне! Было бы, о чем разговаривать! – и Аленка затерялась в толпе подружек.

Матвей еще раз оглядел гуляющих. В самом деле, где Богдан?

– О чем задумался? – насмешливо подмигнула проплывавшая мимо Танюшка, еще одна местная прелестница. – Братца потерял?

Матвей посмотрел на нее и подумал: а, в самом деле, чего он всполошился? Привитая с детства ответственность за младшего все еще давала о себе знать. Но теперь Богдан взрослый, не заблудится. Куда захотел, туда и пошел! Как захочет – домой вернется. И, пристроившись ровным шагом рядом с Танюшкой, ответил ей в тон:

– Зато тебя нашел!

Глава VI

Богдан сидел у кромки воды под вечеряющим небом. Внимательно изучал свое отражение, представлял лицо брата. Матвей – высокий, стройный, светловолосый, голубоглазый – не походил ни на кого из семьи. Пожалуй, что-то общее можно было бы найти у него с матерью: она тоже была светлая, хоть и темнее, чем старший сын, и гибкая, несмотря на прожитые годы в нелегком труде. Но сходство это было отдаленное и малозаметное. С Артемом же Матвей был настолько не схож, что, не зная об их близком родстве, никак нельзя было бы подумать, что они – отец и сын. Артем был невысоким, коренастым и довольно смуглым с такими темными глазами, что они сразу выделялись на его и без того темном лице. Сам Богдан был весь в отца, лишь мягкость черт досталась ему от матери. Когда они все втроем, мужской частью семьи, появлялись где-либо, то на фоне двух угольков, которых напоминали отец с младшим сыном, старший выглядел высоким светлым стеблем. Никто из них никогда не придавал этому значения, и только сейчас замечание Алены о том, какие они разные, заставило Богдана посмотреть на себя и свою семью со стороны.

Никаких далеко идущих выводов Богдан не делал. Просто сидел и думал, почему сложилось именно так. Почему он сам – вылитый отец, а брат – ничего с ними общего. Вот у Аленки есть младшая сестра, так они хоть и не на одно лицо, а все равно похожи. Вспомнились ему и другие братья-сестры из родного села – все больше или меньше походили друг на друга. И только они с Матвеем выглядели так, как будто происходили из разных семей. Интересно, другие тоже это замечали? Или только Аленка просто так ляпнула и забыла? Да, разумеется, она имела в виду различие их характеров, и Богдан это понимал. Но от внешней несхожести с братом отмахнуться уже не мог.

Просидев у воды до самой темени, он, так и не найдя ответа на свой вопрос, решил вернуться к гуляющим. Однако придя на место, никого не нашел. Уединившись в своих раздумьях, он забыл о времени, а когда вспомнил о нем, было уже поздно – все давно разошлись. Не испытав из-за этого ни малейшего огорчения, Богдан отправился домой. Он и не думал ускорять шаг – к чему торопиться? Пора и так поздняя; если родители вздумают ругаться, то быстрая дорога домой этого не именит. А так у него оставалось еще несколько мгновений, чтобы побыть наедине с собой и оттянуть момент встречи с родительским недовольством.

Глава VII

– Ну, вот где ты шатаешься? – не удержалась от брани Евдокия, увидев на пороге младшего сына. – Брат уже дома давно!

Уставшие от работы за день отец и Матвей уже спали.

– Гуляю, – неопределенно ответил Богдан и сел за стол.

– Есть, что ли, хочешь? – немного смягчилась мать.

– Да нет, мам, ты отдыхай. Я сам, – сын заглянул в стоящий на краю стола чугунок.

– Ну, как хочешь, – Евдокия направилась в комнату, собираясь готовиться ко сну.

– Мам! – громким шепотом окликнул ее Богдан.

– Чего тебе? – оглянулась она.

– Слушай, мам, а почему мы с Матвеем такие разные?

Евдокия пошатнулась, ухватившись за дверной косяк. Сын тут же оказался рядом и поддерживал ее.

– Что случилось, мам? Тебе плохо? – обеспокоенно спрашивал он.

Кровь стучала у женщины в висках, ее щеки то мертвенно бледнели, то заливались краской, перед глазами все плыло. Кто, кто мог знать ее тайну?! Кто мог намекнуть об этом ее сыну? Что он теперь будет думать о ней?

Но Богдан выглядел встревоженным лишь ее состоянием. Глядя на него, нельзя было заподозрить его в открытии страшных призраков прошлого. Он заботливо суетился вокруг матери, и на его простодушном лице не отражалось никаких сомнений или подозрений.

– Все хорошо, сыночек, – Евдокия оперлась на его плечо и, поддерживаемая сыном, вернулась в кухню, – я просто оступилась.

Богдан усадил мать за стол и сам сел рядом с ней.

– Ты что-то спрашивал, мой родной? – Евдокия внимательно смотрела ему в лицо, пытаясь понять, знает ли он что-то большее, чем ей хотелось бы.

– А я что-то спросил? А, точно. Говорят, мы с Матвеем не похожи. Вот и задумался, почему так.

Богдан произнес это легко, даже беспечно, и Евдокия успокоилась. Нет, ничего он не может знать. И никто не может. Никто ничего не видел, никто ничего не сможет доказать. Эта тайна живет только с ней и уйдет тоже вместе с ней.

– Кто ж это такое болтает? – Евдокия взяла наступательный тон, чтобы сын не заподозрил настоящую причину ее волнения.

– Сейчас Аленка сказала. Но вообще я и сам увидел.

– Аленка! А ты больше слушай эту сороку. Нет на свете двух одинаковых людей. Мы все разные.

– Это да. Но только мы с ним какие-то уж совсем разные. Как будто и общего ничего нет. Скажи, мам, а мы оба вам родные? Может, вы кого-то из нас на воспитание взяли?

– Вот ерунду мелешь! Какими Господь вас сотворил, такие вы и есть. Как это, ничего общего? Вы – братья родные! Чего еще общего тебе надо?

Богдан примирительно погладил разозлившуюся было мать по руке.

– Да нет, мам, ничего. Все в порядке. Я просто подумал, что если вы кого-то из нас на воспитание взяли, так это даже хорошо. Милосердно. Я от этого ни вас с отцом, ни брата меньше любить не стану.

– Сказано тебе – нет! Оба вы – мои родные.

– Тогда тоже хорошо. Тогда и в самом деле говорить больше не о чем.

Богдан поцеловал мать в пылающую щеку и встал из-за стола. Действительно, мало ли непохожих родственников! Чего он зря мать нервирует и сам переживает?

– Я тогда – спать, если тебе ничего не нужно, – сын посмотрел на Евдокию и дождался ее разрешения.

– А есть не будешь?

– Нет, передумал. Спать больше хочу.

– Иди, – коротко ответила она.

Когда Богдан скрылся в спальне, Евдокия заметалась по кухне и сеням. Искала давно забытый красный угол с иконами, но он находился в комнате, где ей не удалось бы остаться со своей совестью наедине. Тогда она выбежала во двор.

С высоты небес на нее смотрели яркие огни звезд, напоминая суровый взгляд, прожигающий ее насквозь: «Я все вижу, от Меня не спрячешься!» Евдокия рухнула на колени прямо рядом с крыльцом и, сложив руки на груди, быстро-быстро зашептала молитву:

– Господи, прости меня, грешную! Не ведала я, что творила! Моя это вина, мой грех. Но сын ведь мой ни в чем не виноват! Не дай ему сбиться с пути, не дай услышать чужих завистливых речей. Пусть он никогда ничего не узнает! Меня накажи, грешную, а он пусть не знает людских грехов и неправды...

Богдан еще не успел улечься, когда услышал, как хлопнула дверь. Посмотрев в окно, он увидел коленопреклоненную мать, с неистовством обращающуюся с молитвой к небесам. Эта сцена озадачила его, но сейчас он чувствовал себя слишком уставшим, чтобы разбираться в происходящем. Поэтому он просто лег и закрыл глаза, оставив все размышления на потом.

Глава VIII

Поведение матери в тот вечер очень удивило Богдана, однако он не осмелился задавать ей вопросы – понял, что здесь кроется что-то очень личное. Но, проходя в очередной раз мимо сельской церкви, он впервые остановился и задумался.

Ходить в храм в их семье было не принято, хотя многое односельчане стекались туда постоянно. Родители, не отличающиеся набожностью, детям тем более этого не прививали. Случалось им, конечно же, слышать колокольный звон и встречать крестные ходы, но на свои вопросы старшим они получали маловразумительные ответы. «Это церковь. Там молятся Богу. Кто верит – тот и ходит», – вот и все, что с детства говорили об этом Богдану и его брату.

В одной из комнат их дома находился красный угол – полка с иконами, завешанная вышитым рушником. Но там не только никто не молился, туда и заглядывали-то редко – разве что убрать осевшую пыль. И Богдан привык не замечать икон, не задумываться о них, жить рядом с ними, как с любым домашним атрибутом.

Также равнодушно ходили они и мимо храма. Ни многолюдные церковные праздники, ни дивное пение, ни блеск куполов с крестами не вызывали их любопытства, как нечто привычное, но не имеющее для них никакого значения. Матвей то по делам, то на очередное свидание всегда пробегал церковь без оглядки. Богдан, хоть и восхищался красотой архитектуры пятиглавого храма и совершенством его взмывающей вверх колокольни, но любовался всем этим лишь глазами. Душа же его оставалась спокойной.

И вот, став невольным свидетелем материнского молитвенного порыва, Богдан вдруг посмотрел на храм другим взглядом. Если даже мать, таясь ото всех, взывает к высшим силам, значит, во всем этом что-то есть? Парень смотрел на белокаменные стены, на украшенный кокошниками шатер колокольни, и пытался осознать, что скрывается за всем этим, кроме кирпича и штукатурки. Батюшка Александр, выходя из церкви, заметил любопытствующего молодого человека и окликнул его:

– Мир тебе! Что ищешь, чадо? Зайди в храм Божий – обязательно найдешь.

Богдан смутился и отступил на несколько шагов назад.

– Нет... я, это, я потом... сейчас не могу.

Ускоряя шаг, он пошел все дальше и дальше от церкви, не задумываясь, куда идет. Он шел быстро и не оглядывался, хотя в действительности ему очень хотелось бы зайти в храм. Но он не знал, как это сделать. Как вести себя? Что говорить? Как подойти к образам? Да и зачем? Богдану было неловко показать свое невежество, поэтому он предпочел сбежать, но не обнаружить его.

Дома он вспомнил о семейных иконах и полез в красный угол, чтобы рассмотреть их. Он стирал с них ладонью пыль, вглядывался в их ничего не говорившие ему лики и пытался постичь смысл их предназначения. За этим занятием его и застала мать.

– Богданя, ты чего? – Евдокия удивленно смотрела на сына, который залез на табуретку и, так и стоя на ней, держал в руках изображения Казанской Божией Матери и Спасителя.

– Я? Да так, ничего. Просто посмотреть решил, – Богдан почувствовал себя так, словно его застали на месте преступления.

Он в спешке поставил иконы на место, задел другие образа, и они с грохотом попадали на полку. Парень, торопясь еще больше под изумленным взглядом матери, кое-как снова поставил их, совершенно не соблюдая порядок расстановки, быстро задернул занавеску и слез с табуретки.

– Я – ничего, – по инерции оправдывался он, хотя мать и не думала выразить недовольство, – я – просто посмотреть.

Покрасневший до ушей, он бегом пробежал мимо матери, выскочил во двор и – дальше, за калитку. Сейчас он не был готов пускать постороннего в свои искания и размышления, пусть это была даже его собственная мать. К стыду от неумения вести себя в храме добавился стыд от того, что его любопытство было застигнуто врасплох. Он и сам не мог объяснить, что же такого предосудительного совершил и из-за чего убегает. Просто пока он не был готов разделить с кем бы то ни было переполняющие его чувства. Это были его личные, непродуманные, непонятные, но оттого таинственные и притягательные порывы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.